

ДМИТРИЙ МЕЛКОВ

A red shotgun shell lies on a dark, weathered wooden surface in the foreground. In the background, a man in a dark coat and cap sits on a wooden bench, looking towards a desolate village street. A dog lies down on the bench next to him. In the distance, a church with a steeple is visible under a cloudy sky. The overall atmosphere is somber and reflective.

КРАСНЫЕ ГИЛЬЗЫ

ПОВЕСТЬ

ИСТОРИЯ О ПАМЯТИ,
ВИНЕ И ТОМ,
ЧТО НЕЛЬЗЯ ВЕРНУТЬ

Дмитрий Мелков
Красные гильзы

«Автор»

2026

Мелков Д. В.

Красные гильзы / Д. В. Мелков — «Автор», 2026

В восемь лет мир кажется простым и понятным. Есть школа, дом, друзья и старая овчарка Найда, которая лежит у лавочки на краю деревни. Есть дед Семён — фронтовик, рассказывающий истории о войне без прикрас и громких слов. Но однажды случайный укус запускает цепочку событий, смысл которых ребёнок понимает лишь спустя годы. Пустая лавочка, похоронная процессия за окном, старый дом без дыма из трубы и красные ружейные гильзы, найденные на свалке, складываются в историю о вине, памяти и взрослении. «Красные гильзы» — пронзительная повесть о том, как одно детское воспоминание может остаться с человеком на всю жизнь.

© Мелков Д. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	5
Пролог. Вещи которые не ржавеют	6
Глава 1. Деревянная лавочка на краю деревни	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дмитрий Мелков

Красные гильзы

Содержание

- Пролог. Вещи, которые не ржавеют
- Глава 1. Деревянная лавочка на краю деревни
- Глава 2. Школьный обед и сломанный мир
- Глава 3. Тень за окном
- Глава 4. Пустота
- Глава 5. Сокровища свалки
- Глава 6. Пазл сходится

Пролог. Вещи которые не ржавеют

Есть воспоминания, которые со временем становятся мягче. Они теряют края, как камни в воде. Лица людей расплываются, голоса меняются местами, запахи уходят первыми, а потом уже невозможно сказать точно, было ли солнце в тот день или низкое небо, была ли весна или поздняя осень, кто стоял рядом и какие слова произнес.

А есть другие воспоминания. Они не стареют. Не потому что в них больше правды, а потому что однажды они вошли слишком глубоко и остались там в том виде, в каком были найдены. Их нельзя пересказать без потери, нельзя объяснить до конца, нельзя отложить в сторону как давно прошедшее. Они лежат внутри, будто маленький предмет в кармане старой куртки: давно забытый, но стоит случайно нащупать — и все возвращается.

У меня таким предметом стала красная ружейная гильза.

Я не храню ее. Не взял тогда со свалки, не принес домой, не спрятал в коробку с детскими сокровищами. Наверное, это было бы слишком просто: положить в ладонь доказательство и сказать себе, что память теперь имеет форму. На самом деле самые важные вещи редко остаются у нас предметами. Они остаются ощущениями.

Холодный воздух в низине.

Серая земля под ногами.

Мутный собачий глаз, смотрящий мимо меня.

И легкая красная гильза, которая вдруг стала тяжелее всего, что я держал в руках до того дня.

Я много раз пытался понять, почему именно эта история не отпустила меня. В детстве происходят разные беды: разбитые колени, драки, болезни, похороны дальних родственников, первые ссоры, первый стыд. Но большинство из них потом становится частью общего шума. Эта же история осталась отдельной. Может быть, потому что в ней никто не был злодеем. Если бы был злодей, все было бы проще. Можно было бы обвинить его, возненавидеть, закрыть дверь.

Но там были только обычные люди, которые делали то, что считали правильным. Директор школы заботился о безопасности. Мама пыталась защитить меня от страха. Кто-то из взрослых, наверное, исполнял распоряжение. Старый человек любил свою собаку. Старая собака однажды ошиблась. А маленький мальчик протянул руку к тому, кому доверял.

Из таких простых движений иногда складываются непоправимые вещи.

Эта повесть — не попытка судить. Не исповедь и не оправдание. Скорее, попытка вернуться к тому мальчику и посидеть рядом с ним на краю деревни, пока он еще не знает, что мир устроен сложнее, чем добро и зло. Пока он еще верит, что если сказать правду, попросить прощения и очень сильно захотеть, то все можно вернуть на место.

Я пишу это для него.

И для старика, который рассказывал войну без музыки.

И для собаки, которая однажды не узнала своего.

Глава 1. Деревянная лавочка на краю деревни

В детстве деревня казалась мне устроенной просто и навсегда. Школа стояла в середине, магазин рядом с остановкой, клуб с облупленной афишей за стеклом, а дальше начинались улицы, которые к вечеру темнели быстрее, чем небо. Дома там были разные: у одних заборы ровные, крашенные, с железными петлями на воротах; у других штакетник торчал, как сломанные зубы, и собаки пролезали под ним без особого труда. Но и эти дома, и эти заборы, и колеи после дождя, и лужи с радужной пленкой бензина казались частью одного большого порядка, который взрослые знали, а дети принимали как погоду.

Мне было восемь лет. Я учился во втором классе и считал, что самое большое расстояние на свете — от дома до школы в понедельник утром. Особенно весной, когда дорога раскисала, сапоги тяжелели от глины, а портфель бил по спине, будто обижался, что его несут. Осенью было не легче: серое небо висело низко, куры на обочинах выглядели мокрыми и сердитыми, а дым из труб стелился вдоль улицы, не желая подниматься.

На самом краю деревни, там, где улица уже не столько заканчивалась, сколько уставала и переходила в полевую дорогу, стоял дом деда Семена. Мы все называли его просто дед Семен, хотя взрослые иногда говорили Семен Ильич. Дом у него был старый, темный, с низкими окнами и крышей, на которой мох рос плотными зелеными островками. Перед домом стояла лавочка: две толстые доски, вбитые в перекошенные ножки, отполированные годами до серого блеска.

На этой лавочке дед Семен сидел почти каждый день, если не шел дождь. Он был сухой, прямой, с большими узловатыми руками. Лицо у него было такое, какие бывают у старых людей, много лет проживших на ветру: темное, с глубокими складками, будто его вырезали из коры. На пиджаке, который он надевал по праздникам и иногда просто так, висели медали. В обычные дни медалей не было, но мне казалось, что они все равно где-то при нем, спрятаны не в шкафу, а в самом его голосе.

Рядом с лавочкой лежала овчарка. Большая, темная на спине, с рыжими лапами и умными глазами, которые со временем стали мутнеть. Ее звали Найда.

— Потому что нашел, — объяснил дед, когда я спросил про имя. — Вот и Найда. По-деревенски, значит, найденная.

Он нашел ее щенком лет пятнадцать назад. Так он говорил — «лет пятнадцать», и для меня это было почти столько же, сколько «до революции». Однажды осенью он ходил за грибами, попал под дождь и услышал тонкий писк под поваленной елкой. Щенок был мокрый, дрожал и пытался выбраться из ямки между корней. Дед принес его домой за пазухой, отогрел у печки и потом уже не смог отдать никому.

— Собаки сами не приходят просто так, — говорил он. — Если пришла, значит, зачем-то.

Найда не была злой. Когда я проходил мимо, она поднимала голову, смотрела на меня и два раза стучала хвостом по земле: глухо, спокойно, будто здоровалась. Если дед Семен был рядом, я подходил, садился на край лавочки и гладил ее за ухом. Шерсть у нее была жесткая, теплая, пахла пылью, дымом и псиной. Мне нравился этот запах. Он казался настоящим.

Мама сначала ругалась, что я задерживаюсь у старика.

— Ты ему не надоедай, — говорила она. — Человек старый, ему отдыхать надо.

Но дед Семен однажды сам сказал ей у магазина:

— Пусть приходит. Он слушает хорошо.

После этого мне разрешили. Не официально, не так, чтобы «иди к деду Семену», но если я задерживался на полчаса, мама уже не сердилась по-настоящему.

Я приходил после школы, иногда с куском хлеба, иногда просто так. Дед Семен рассказывал про войну. Не так, как рассказывали по телевизору девятого мая, когда звучала музыка

и люди шли с цветами. У него война была без музыки. В ней было холодно, мокро, страшно и всегда хотелось спать. Он рассказывал про грязь в окопах, про шинели, которые дубели от мороза, про хлеб, деленный ножом на тонкие ломти, и про то, как человек может несколько дней не помнить, что у него есть имя.

Больше всего я любил слушать про его фронтовую собаку.

— Тоже овчарка была? — спрашивал я, хотя знал ответ.

— Овчарка, — говорил он. — Только та была чернее. Морда как уголь. Звали Грета.

Имя было немецкое, и это казалось мне важным и неправильным одновременно.

— А почему Грета?

— Так до меня назвали. Она трофейная была, считай. Только какая она трофейная? Живая душа. Ей что немец, что русский — лишь бы хозяин был не подлый.

Грета, по его словам, чувствовала мины, слышала обстрел раньше людей и однажды спасла ему жизнь. Дед рассказывал об этом не сразу. Сначала всегда говорил про другие случаи, а историю с гранатой оставлял напоследок, будто сам не хотел к ней подходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.